

Наталья Адлер

16+

КОЛОДЕЦ

Наталья Адлер
Колодец. Сборник рассказов

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Адлер Н.

Колодец. Сборник рассказов / Н. Адлер — «ЛитРес: Самиздат», 2018

"В русской литературе испокон века в соседстве сосуществовали такие жанры, как проза и поэзия. Наталья Адлер - известный российский поэт, утончённый, психологически глубокий лирик, живописующий природу и чувства. Сегодня она является пред миром в жанре евангельском и осиянном пушкинском - прозаическом. Её слог прост, как дыхание подснежника, и сложен, как тайное мерцанье звёзд. По естественной сути это всё едино, как наши тернии, борения во Вселенском значении за жизнь земную". Виктор Ростокин, член Союза писателей России.

Содержание

| | |
|-----------------------------------|----|
| Колодец | 5 |
| Боль | 7 |
| Нелюбимая | 10 |
| Пути | 13 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 15 |

Колодец

Полина любила холодную, кристальную колодезную воду. Любила доставать её из 15-метровой глубины, легко и привычно поддерживая цепь, которая послушными, ровными рядами укладывалась на ворот. Вот только страшно почему-то было Полине смотреть вглубь колодца. Бросит, бывало, бадейку вниз и слушает, определяя по звуку – полно воды набралось или нет, а потом также, не глядя, вытянет бадейку, разольёт воду по вёдрам, да в дом несёт.

Нынче поздно управилась с хозяйством. Поросятам мешанку запарила, гусей, кур накормила, нарезала корове свеклы, посыпала немного дроблёнкой из зерна и пошла открывать калитку, встречать Зорьку из стада.

Тихо зажглись звёзды, заглянул в окно месяц, когда Полина, уложив спать ребятишек, легла и сама, не дождавшись мужа. Лежала, слушала ровное дыхание детей и думала: «Где мог так долго задержаться? Может, случилось чего?... Вот глупая баба, сколько уже живу с ним, а никак не привыкну к ночным приходам. Опять оправдываться начнёт, – машина, мол, не человек, и человек «ломается», а машина и подавно. Если же навеселе явится, то и оправдываться не будет. Ляжет спать и всё».

А Григорий в это время похвалялся своей женой перед сватом (сватами он звал всех, с кем когда-нибудь на свадьбе гулял).

– Вот мы сейчас с тобой выпиваем, а ты сидишь и дёргаешься. Видно, что жинку свою боишься. А вот моя мне и слова против не скажет, во сколько бы ни пришёл. Всегда такая – то ли натурой мягкая, то ли любит меня сильно, сам не пойму.

Сват отвечал с ехидцей:

– Любит. А как же. Тебя любит, а другого голубит, – и осёкся, увидев налившиеся кровью глаза соседа.

– Ты чё сказал? Говори, не верти, если знаешь чего, ну?

– Дак с Митькой она шуточки шутковать любит, сам видел, – и плюнул с досады – пропади ты пропадом со своей тихоней, не будешь каждый раз ею похваляться, да и она зубы меньше скалить будет, а то нашлась смешливая на всё село.

Но увидев, как расходился, словно кипятик забурлил, Григорий, стал его сват успокаивать:

– Да ладно тебе, может, ничего серьёзного и не было, может, так – пошутили и всё. Остынь, хватит.

– Было или не было – это она мне сама скажет.

...Полина неделю отходила от побоев. Она не могла понять, на какой вопрос требует ответа её муж. Причём тут Митька, шуточки и улыбки?

Щедрую, светлую улыбку она с детства всем окружающим дарила. Такой уж уродилась.

Теперь Полина не улыбалась. Она мучительно думала, как ей поступить, когда выздоровеет? Стыда-то сколько?! Что в селе скажут? Никогда не трогал. Вон, свекровь уже нашептывает знакомым: «За дело, значит, зря бы не стал». И пошло-поехало. От избы к избе. Одни головой кивают – Гришка зря не побьёт, а другие руками всплещивают – Полина...? Не может быть, чтобы она с кем-то...

А Полина плакала не столько от физической, сколько от душевной боли. Что же делать? – Уйти с детьми из дома? – Да ведь первый раз руку поднял, может, одумается, отец же он детям своим, да и куда я с ними? Остаться? – Так надо его словом заручиться, что не тронет больше. А он всё молчит, не разговаривает, уверовал, что виновна... А в чём? В чём мне оправдываться перед ним, перед людьми? Да и надо ли?

Подруги вроде с сочувствием проведывать приходили, с советами, а сердце твердит – любопытство одно. Мы, мол, слышали, так и так на тебя говорят, но ты внимания не обращай,

золото – и в грязи блестит, к чистому грязное не пристанет. Поговорят – и перемелется. Что делать? Хорошего-золотого сейчас днём с огнём... А Гришка – он хозяйственный, полный двор скотины держит. Ну, лежи, выздоравливай.

...Прошло время. Полина жила по-прежнему, только улыбка её постепенно угасать стала. Засмеётся вдруг – и прикроет губы ладошкой, словно провинилась в чём. Григорий молчал про Митьку, но в глубине души мысль эта, будто червяк, вертелась, точила и злила.

Сердобольные односельчане ради интереса присматривать за Полиной стали – кому улыбнётся, а кому нет. Особенно любопытство разожглось, когда Митька по осени с уборки свеклы вернулся.

Встретились случайно на дороге. Увидев его, Полина невольно испугалась, хотела назад повернуть, но подумала, что люди скажут – убежала – значит, правда. Поздоровались, глаза опустила – и быстрее мимо. Митька удивлённо повернулся и крикнул вслед: «Ты чего это, Польш?» Она не обернулась. Пожав плечами, Митька пошёл дальше.

А от избы к избе опять понеслось: что-то тут не то, ишь, как поглядели друг на друга, ишь, как в сторону метнулась, а он за ней аж обернулся и что-то кричал...

Ночью Григорий пришёл домой пьяный и опоясал спящую жену мотком верёвки. Полина вскрикнула, широко раскрыв глаза, а он молча и зло хлестал её. Полина бросилась к двери, он остался в доме.

Судорожно глотая воздух, она бродила по двору и дрожала от нервного напряжения и холода. Зашла в сени. Там висела старая дошка и лежали валенки. Оделась, снова вышла во двор.

Голова горела, её жар заглушал жар рубцов от верёвки. Полина зашла в сарай, погладила корову. С сеновала спрыгнула кошка, стала тереться о валенок хозяйки. Полина нагнулась, прижала кошку к груди...

Судорожно поглаживая тёплый мурчащий комочек, Поля медленно пошла к колодцу. Остановилась. Бессильно опустилась на землю и забилась в рыданиях. Кошка спрыгнула с рук и, жалобно мяукая, смотрела на хозяйку, будто хотела утешить, но не знала как... Полина стала на колени и зашептала свою последнюю (так ей казалось) молитву:

– Господи, прости меня, не могу больше терпеть, не хочу жить, Господи, прости меня, грешную...прости.

И впервые посмотрела в черную бездну колодца. Отпрянула. Подняла глаза к звёздному небу:

– Прощайте...

Вместе с бадейкой полетела вниз. Вдруг звёздочками вспыхнули родные глаза детей. «Мамочка, мама!» – застучало в висках.

– Боже, спаси!

Утром соседка встала доить корову и услышала глухой, далёкий, как из-под земли, стон. Полина не утонула, она из последних сил держалась за выступ в срубе и потеряла сознание, когда скрипнул ворот и кто-то медленно стал опускаться в колодец...

Теперь в селе часто можно видеть женщину с большими синими глазами, в которых, как укор, застыл вопрос – что же вы сделали со мной, люди?

А сельчане старались быстрее скрыться за калиткой, чтобы не встретиться с помешанной Полей, блуждавшей по улицам. Встретив кого-нибудь, она просила: «Иди, закрой колодец крышкой, прошу тебя, закрой колодец...»

Подростки дети находили мать и вели домой мимо заваленного и засыпанного землёй колодца.

Боль

– Не жилец она на белом свете, – перешептывались соседки, когда Валентину привезли после онкологической операции домой. Одни глаза на посеревшем лице светились жизнью, а тело было беспомощным и непослушным. Она действительно чудом вынесла операцию, так как сердце основательно барахлило уже несколько лет. Дома ждали сын и бабушка. Ещё в больнице предупредили, что детей больше рожать не желательно, так как роды могут окончиться смертью.

С тех пор прошло полтора года, которые показались Валентине бесконечно длинными и невыносимо тяжелыми. Мужа она похоронила за несколько месяцев до операции. Теперь ей уже хватало сил дойти с сыном до могилки. Валя стала на колени, обняла холмик земли, заросший травой, и молила Бога забрать её к мужу. Губы беззвучно шевелились, а из глаз капля за каплей до самого подбородка и дальше по шее текли и текли слёзы.

Прикосновение детских рук вывело её из забытья.

– Мама, мамочка, пойдём домой, мне страшно, – просил Юрка, испуганно глядя на мать.

– Сыночек, сыночек мой, да как же я тебя оставлю? Господи, прости меня, сына-то на кого? Пойдём, сыночек.

Сердце сдавило дикой болью и Валентина потеряла сознание. Юрий побежал по кладбищу к дороге, размазывая по щекам горькие слёзы.

– Дядя, дяденька, – обратился мальчик к идущему мимо мужчине, – помогите, там мама лежит...

Сергей как пушинку поднял Валентину на руки и побежал в соседнюю организацию в медпункт. Мальчик бежал сзади. Валю привели в чувство, оказали необходимую помощь. Открыв глаза, она увидела рядом с собой друга детства – Сергея.

– Где я, почему ты здесь? – Сергей всё рассказал.

– Медсестра сказала, что тебе надо хорошенько подлечиться в больнице, скорую помощь мы уже вызвали, а сына я отведу к тебе домой. Бабушка дома?

Валя кивнула.

– Ну, вот и хорошо. Скажу ей, чтобы она тебя одну больше никуда не отпускала. Можно я буду проводить тебя в больницу?

– Приходи.

Сергей приходил часто, приносил гостинцы. А память вновь и вновь возвращала его к безоблачным дням детства, когда они с Валентиной играли во все мальчишеские игры, лазили по деревьям и клялись в братской дружбе. В братской, потому что Валя была похожа на мальчишку с короткой стрижкой и своей любовью к мальчишеским играм. Ещё вспоминал, как нёс её на руках, такую невесомую и беззащитную. Острая жалость разливалась в сердце.

– А как жена смотрит на то, что ты ко мне ходишь?

– Я ей не докладываю. И вообще, пусть тебя это не волнует, мы давно живём не лучше, чем кошка с собакой. Дочку жалко, а то б давно ушёл. Да и Татьяна, чуть что, так гонит, не нужен я ей. И всё, закроем тему, не думай об этом.

Через три месяца Сергей перешёл жить к Валентине. Она не стала возражать. Одной было очень нелегко, а Сергей потянулся к ней всем сердцем, был таким внимательным и заботливым, когда приходил в гости уже после больницы. Вот только угнетало Валю то, что она ничего не могла делать тяжёлого по дому. Даже полы вымыть было для неё трудным делом. Бабушка помогала, но она уже старенькая.

Сергей успокаивал, за всё брался сам. Но скоро стал замечать, что это его злит. Сначала он сдерживался, а потом надоело. Уже привык к болезни Валентины, к тому, что она быстро устаёт, и жалость постепенно куда-то улетучилась. Нет-нет, да и выскажет:

– Опять лежишь, хоть бы постирала.

– Я сегодня уже не могу, отдохну, а завтра с утра вместе стираем, как раз суббота...

Ты воды принесёшь, а я постираю.

Однажды Сергей пришёл пьяный. Споткнулся у крыльца о ведро с помоями.

– У-у, уродка, опять вынести не может.

Валя в коридоре готовила ужин. Услышала. Слёзы брызнули из глаз. Открыла дверь, сквозь рыдания выдавила:

– Ты знал, к кому шёл жить. Я тебя к себе не звала, ни на чём не настаивала. Сам решил. Не нужна больше, так уходи. Твоя Татьяна меня уже замучила, только я тебе не говорила. Всем рассказывает, что я вашу семью разбила, а вы так хорошо жили! Недавно ко мне приходила, высказывала, зачем я мужа забрала. Я ей ответила, чтобы не ходила мне нервы трепать, а мужа я не держу, он вольный собой сам распоряжаться. Так что можешь возвращаться, теперь ты там нужен стал.

– Ладно, хватит, она и ко мне на работу прибежала, звала. Но я один раз режу. Когда вместе жили, то плохой и не нужен был, а теперь спохватилась. Поздно. Валюш, ты меня прости за... уродку. Устал я, надоело бабьими делами заниматься, а тут ещё выпил, ну и сорвался. Забудь. Всё у нас с тобой хорошо должно быть.

Валя простила, но забыть не могла. Да и Сергей порой своим поведением или оброненным словом обижал и даже унижал Валентину. Она терпела. Ведь не всё было так плохо, да и куда ей одной... И Юрка привязался к Сергею.

Однажды сидели во дворе, мастерили скворечник, Юрка и говорит:

– Дядь Серёж, а можно я тебя буду папкой звать?

– Зови, коль хочешь, – потрепал по вихрам, – ну-ка гвоздик подай, сынок.

Валя наблюдала эту картину с порога, смахнула слезу. Юрка подал Сергею гвоздик и сияющий подбежал к матери.

– Мам, а мы с папкой скворечник делаем!

– Ну вот и молодцы, – улыбнулась Валя.

Тут открылась калитка и во двор вошла Татьяна.

– Чужого ребёнка сыном зовёшь, а я с родной твоей дочерью не нужны стали?!

Валя схватилась за косяк и сжала пальцы так, что они посинели. Сергей встал и сказал, будто словами пригвоздил:

– Да, ты мне не нужна. Поздно ценить стала. И больше сюда – ни ногой.

Взял за руку и вывел прочь.

Валентина долго не могла успокоиться. Сердце саднило, как открытая рана. Сергей пытался успокоить Валю, но что-то непонятное ему самому не давало покоя. Потом он понял: желание Татьяны возвратить его разбредило душу. Ведь не только скандалы были в их жизни, и любовь была, и радость рождения дочери.

Почувствовала состояние Сергея и Валентина. Он изменился. Часто «уходил в себя», уставившись в одну точку. Валя понимала, что в эти минуты он думал о них – жене и дочери. Шла подальше в сад и давала волю слезам. Жить становилось всё невыносимей. Страшные мысли чаще и чаще приходили в голову. Сергей не обижал её, не говорил, что бросит, но просто часами мог молчать днём, или курить по ночам, отрешённо глядя на ночник.

А Валя тоже не спала. Она лежала и тихо плакала, без звука, только слёзы всё катились и катились, растворяясь в подушке. Валентина просто не хотела жить. Даже мысли о сыне уже не возрождали её к жизни.

Незаметно для себя она полюбила Сергея. Сначала это было чувство благодарности, но шли месяцы и Валя поняла, что Сергей стал смыслом её жизни, её радостью и болью, её надеждой. Она жутко боялась его потерять, хотя не говорила об этом.

Когда никого не было дома, плакала и кричала до истерики:

– Господи, я не могу так жить, не хочу жить... Господи, дай мне терпения... я не хочу жить!

И она корчилась на диване в судорогах от душевных мук и сердечной боли. Вдруг одна мысль обожгла и обрадовала: «Умереть на родах». Ведь врачи сказали, что рожать нельзя...

Завела с Сергеем разговор о ребёнке, он равнодушно ответил:

– Как хочешь.

А она хотела, она хотела уйти из жизни не самоубийцей.

Врачи схватились за голову, когда Валентина пришла стать на учёт на шестом месяце беременности.

– Что ты наделала?! Ты же не выдержишь. Муж разве не знал?

– Не знал, я ему об этом не сказала.

Сергея вызвали в больницу, объяснили ситуацию.

– Как может умереть? Почему?

– Сердце слабое, операцию тяжёлую перенесла, вряд ли организм выдержит, но аборт делать, конечно, поздно. Придётся рисковать, отправим её рожать в город.

За месяц до срока Валентину положили в городскую больницу. Усиленно следили за её здоровьем, поддерживали лекарствами, хорошим питанием. И вот наступил день, который она ждала со страхом и надеждой – конец всех физических и душевных мук.

Врачи сделали, казалось бы, невозможное. Когда Валентина очнулась после родов, то акушерка показала крохотное, жёлтое, как лимон, существо.

– У вас девочка.

Валя устало закрыла глаза. Силы опять покинули её. Это потом, когда миновал кризис, Валентине объяснили, что девочка такая слабая, потому что мама была на грани гибели.

– Значит, не судьба мне умереть...

Дочку несколько дней не приносили, и Вале вставать не разрешали. Сергею сразу телеграмму она не дала, решила сообщить о рождении дочери, когда станет подниматься.

Он приехал в больницу без телеграммы. Рвался, просился, чтобы пустили в палату, не желая понять, что туда нельзя. Уговорил, чтобы показали Валино окно, и стал бросать камешки. Он уже знал, что родилась дочь, что обе живы. Соседки по палате подошли к окну.

– Ой, это чей-то незнакомый.

А Сергей кричал:

– Позовите Валю, Валю позовите!

– Да это к тебе, Валентина. Подняться сможешь? Мы тебя доведём до окна.

Когда потихоньку подошли к окну, она увидела сияющего, взволнованного Сергея.

– Люблю тебя, Валюшка, люблю и жду! Скорее поправляйся, жду тебя!

Валя показала в окошко два пальца и улыбнулась.

– Да-да, двоих вас жду, и тебя, и дочку!

Нелюбимая

Сноха в этом доме, как говорят, пришлась не ко двору. Нет, не о такой невестке мечтали родители жениха: хрупкая, тоненькая, да к тому же из небогатой семьи.

– То не работница в хозяйстве, ей бы только книжки читать. Грамотная шибко, – недовольно бурчал свёкор.

– Да это уж точно, поди и корову не выдоит, и свиней не управит, козам сена не надёргает. Кур, уток да гусей кормить – это она только и сможет. Ишь, худющая, того и гляди переломится. – вторила свекровь.

Сами они были «старой закваски». Любили говорить о себе так:

– Мы покончили восемь классов на двоих, да «два коридора», но живём не хуже людей, – и гордо поглядывали на новенькие «жигули», которые купили несколько лет назад. Только машина так и оставалась новой, потому что выезжали на ней редко, да и сыну почти не разрешали брать, хоть он и работал шофёром.

Галя действительно корову доить не умела, но очень скоро научилась. Её проворные руки успевали повсюду. Ошиблись свекры – на хрупкие плечи невестки можно было смело свалить все заботы по хозяйству, но ближе от этого она им всё-равно не стала. Внешне отношения вроде выглядели нормальными, скандалов не случалось, а в душе веяло холодом от сознания того, что под одной крышей собрались чужие люди.

Любовь Галинки к мужу помогала забыть колкости и косые взгляды его родителей. А те постоянно давали понять: ты, «голуба», если не успела что-то сделать – очень плохо, а если и сделала, то не так. Самым безнадёжным было то, что свекры искренне считали себя правыми, а её виноватой во всех хозяйственных мелочах. Даже если молоко прокисло – значит, сноха не вовремя его в холодильник поставила.

Других забот они не знали, все интересы жизни сводились к собственному двору, а меркой благополучия служили слова – «живём не хуже людей».

Резкая перемена в отношениях произошла, когда молодые сказали, что скоро у них будет ребёнок. Галя заметно округлилась и через пару месяцев готовилась стать матерью. Старики-свекры не позволяли ей поднимать тяжёлое, взяли на себя заботу по хозяйству.

Первенец сын родился довольно крупным, почти на четыре килограмма, и горластым. День «перепутал» с ночью. К третьему месяцу Галина с ним совсем извелась. Лицом Юрка был «вылитый дед», как говорила свекровь, чем завоевал внимание кровной родни. Они любили с ним «сюсюкаться» на непонятном «детском» языке, гремели погремушками, целовали. А на долю молодой мамы осталось купать, стирать, укачивать, гулять с сынишкой. Ночью тоже сама к нему вставала под мерный храп остальных.

Муж большой пылкости в отношениях не проявлял и дополнительными заботами по дому себя не обременял. Галина никогда не упрекала его за это, а молча и спокойно, даже как-то незаметно тянула «семейный воз». Удивление её от повышенного внимания свёкров во время последних недель перед родами сменилось ясным пониманием того, что к ней так бережно относились, как относились бы к стельной корове или козе перед окотом. Просто старики привыкли заботиться о приплоде. Поэтому невестка и удостоилась их хорошего обхождения. Потом же всё стало на свои места: постоянные придирки, упрёки, нескрываемая неприязнь к Галине.

Только внук вызывал на их лицах улыбку. Он подрастал, пухленький, розовощёкий, а молодая мама снова похудела, словно с молоком отдавала сыну свои силы, румянец и алую вишнёвость губ.

Однажды утром Галинка собралась сходить на рынок. Юрка спал, покашливая во сне – простыл, наверное. Было ему чуть больше года. Вернувшись с рынка, она застала мужа наве-

селе – к нему приехал друг детства и Михаил быстренько организовал стол. Сынишка сидел на полу, играл орешками – дядя гостинец привёз – и жевал очищенные.

– Зачем вы дали ему кушать орешки, Миша? Он же кашляет, так и поперхнуться недолго.

И Галина потихоньку взяла их из маленького кулачка. Через минуту Юрик закашлял.

– Надо попарить его да травами напоить, – подумала мама.

К вечеру поднялась температура. Кашель усилился и стал продолжительным. Утром пришлось вызвать «скорую». Положили в больницу и назначили лечение, поставив диагноз орз. Несмотря на уколы, и на третий день улучшений не наступало, температура повысилась. Кашлять сын стал приступами и очень долго – по часу-два, а то и больше. Аппетит пропал. Юрка «таял» на глазах.

– Скажи, Михаил, он не давился орешками, когда я ходила на рынок? – спросила Галя в следующий приход мужа.

– Да так, немножко, я его по спине стукнул, и всё прошло.

– Почему же ты сразу не сказал?! – со слезами на глазах произнесла Галя, – я же врачей могла предупредить, что не только в простуде дело.

И она побежала в кабинет доктора с измученным от постоянного кашля и жара сыном на руках. Объяснила случившееся. Всего прошло с того злосчастного утра четыре дня.

– Надо срочно везти мальчика в город, чтобы сделать бронхоскопию, у нас нет условий и возможностей, – взволнованно сказал врач. – У вас есть шанс, только найдите машину, найдёте?

– Скажу родителям мужа, у них «жигули» на ходу.

Но свёкор развёл руками:

– Сломана машина, нельзя ехать, что-то там не то, – и отвёл глаза в сторону.

Галя стала просить помощи на работе, откуда ушла в декрет. Там ответили, что для такого дальнего рейса нужны хорошие колёса, а в их легковушке покрышки «лысые».

– Но не терзайся, давай попробуем найти колёса. Ты звони по телефону из больницы, а мы проедем по знакомым.

Солнце перевалило за полдень, когда охрипшей от переживаний и слёз матери пообещали в одном колхозе снять новые колёса с легковушки. К вечеру выехали.

Юрик уже не плакал, а жарким комочком прижался к материнской груди и затих, полузакрыв глаза. Потом опять закашлял, долго и надрывно. Пять часов до городской больницы казались вечностью.

Наконец они с направлением у дежурного врача. После осмотра он уверенно сказал:

– В бронхах справа инородное тело: будем извлекать. А вы, мамаша, езжайте домой. Дети у нас лежат сами, родителям не положено.

– Что вы, доктор, я ни за что не уеду, – и расширенными, полными слёз и мольбы глазами, она смотрела перед собой, ничего не видя.

– Ну, хорошо, можно остаться в отделении, если оформитесь санитаркой на время болезни малыша, у нас как раз их не хватает. Но надо мыть коридор, столовую, палаты и подсобные помещения.

– Я согласна, согласна! Только не отправляйте меня отсюда никуда.

Сынишку понесли в операционную. Галя не находила себе места, пока его не отдали ей, спящего от наркоза, и показали пять осколков от ореховых ядрышек.

– Кажется, все достали, возьмите себе «на память».

Юра лежал на кровати и никак не мог проснуться. Галя гладила его по бледным щёчкам, легонько хлопала ладошкой, но разбудить не удалось.

Страшно смотреть на любого человека, приходившего в себя после наркоза, а тем более – на ребёнка: лицо бело-восковое, глазки закатываются, если он пытается их открыть, тельце вздрагивает, а потом беспомощно затихает.

Через неделю Юрик стал крепнуть, поправляться, на лице засветилась улыбка. Нетвёрдыми ножками он вперевалку бежал по светлому коридору, который мама вымыла до блеска, и теперь выкручивала тряпку, чтобы протереть пол в столовой. Сынишка протянул ручки и Галя, подхватив его, подбросила над собой, сияя от счастья. Юрка восторженно смеялся, он не боялся высоты.

– Солнышко моё, роднулечка, – приговаривала мама, прижимая к себе сына и нежно целуя в висок.

Дома ждали возвращения снохи и внука. Одна знакомая в автобусе спросила у свёкра:

– Что там с вашим маленьким случилось?

– Не усмотрела, поганка худосочная. Если не сбережёт хлопца – ведро помойное на голову одену.

Пути

Море семейной жизни сильнее и сильнее раскачивало утлое судёнышко – всё, что осталось от бывшего благополучия, согласия и любви... Причём, у Алексея сердце пылало всё тем же юношеским огнём, когда он смотрел на жену, чувствовал её присутствие рядом, обнимал. А она отталкивала, строя недовольную гримасу.

– Что ты всё тискаешь меня? Отстань, прилип, как банный лист...

Двое маленьких сыновей любили маму, а в отце просто души не чаяли.

– Санёк, Вовчик, одевайтесь потеплее, пойдём в снежки играть и бабу снежную лепить, – звал Алексей.

Радостные мальчишки бежали на улицу и кричали маме:

– И ты с нами!

– Идите с отцом, мне некогда, – а сама усаживалась к зеркалу «наводить красоту», как называли нанесение макияжа сыновья и муж.

Почти каждый выходной Катя навещала подруг. По крайней мере так она говорила мужу. Алексей давно догадывался, что у жены есть любовник, но молчал и думал, как же вернуть их прежние отношения. Ведь женились они по любви, всё у них было: первое свидание, трепетные поцелуи, нежность во взглядах и сердцах. Казалось, это будет продолжаться вечно. После свадьбы прошло пять лет и что-то изменилось. Катюша стала другой.

– Не так уж сильно любила я его, оказывается, – доверилась молодая женщина своей близкой подруге, – поняла это, когда встретила Николая и буквально утонула в вихре страсти. Я с ним всё на свете забываю.

– Как женщина я тебе завидую, но ведь так можно и о детях забыть. Смотри, подруга, не ошибись.

Однажды Алексей уехал на КАМАЗе в командировку, вернулся раньше времени, как в том банальном анекдоте, открыл своим ключом дверь, чтобы жену не тревожить. Дети сладко спали в спальне. Алексей прошёл через зал, открыл следующую дверь и... замер на пороге: его Катюша крепко спала в объятьях мужчины на их супружеской постели. Алексей еле сдержал крик, застрявший в горле и превратившийся в давящий ком.

На кухне он написал записку: «Будь счастлива – Алексей» и положил её на фужер с шампанским. Вышел на улицу, сел за руль, решил ехать на работу в гараж. Колотила внутренняя дрожь, руки тряслись, он на ходу стал прикуривать, не попадая спичкой в сигарету, нагнулся и... Дальше ничего не помнит.

В реанимационном отделении сказали, что шансов на жизнь – 10 процентов из 100: глубокая черепно-мозговая травма, большая потеря крови, очень слабое сердцебиение, одним словом – жизнь еле теплилась в беспомощном теле. «Дышал» за него аппарат. Через 18 часов у Алексея начались конвульсии, его тело содрогалось, но в палате в эти секунды никого не было. И вдруг будто какая-то неведомая сила подвела к постели медсестру. Она увидела, что умирающий не просто содрогается, но и машет руками. Лицо его было покрыто бинтами. Сестра выдернула изо рта трубку аппарата, Алексей вдруг сделал глубокий вздох и сказал:

– Вы что, задушить меня хотите?

Оказывается, он пришёл в себя, но ничего не видел, а трубка и бинт во рту, чтобы язык не западал, мешали говорить. Трубка забилась и Алексей стал задыхаться. Тут-то и задёргался в конвульсиях, чтобы обратить на себя внимание.

Жизнь вливалась в него бурным потоком, каждый день навещала жена, ухаживала за ним. Он просил сестр её рядом и держал за руку, находя блаженный покой.

– Знаешь, Катюша, а я теперь не боюсь смерти, там очень хорошо – трава зелёная, свет и такое блаженство – не опишешь, что за чувство. Благодать. Ещё я видел сверху, как надо

мною что-то делали два мужчины и женщина в белых халатах, лицо у меня красное было, будто краской залито.

– Это кровь твоя, – говорит Катя.

– А ещё я не хотел, чтобы меня трогали, потому что очень хорошо было. Опустился сверху, хватаю их за руки, прошу оставить меня в покое, но они не слышат меня. Потом мне больно стало.

– Видно, душа твоя летала. А над тобой действительно два доктора стояли и медсестра.

– Катенька, у меня какое-то странное чувство, будто я оттуда не совсем вернулся, как за барьером – и не в этой жизни, и не в той... Что-то важное должен сделать, а что – не знаю...

Перед самой выпиской из больницы Катерина сказала, что будет жить с Николаем

– Прости, это сильнее меня.

Единственное, что её беспокоило – случались у нового избранника запои.

Алексей ещё находился на больничном. Бродил, как потерянный. Тосковал по жене и детям.

Однажды ноги принесли его к церковной оградке. Он зашёл в храм и остановился у иконостаса. Вдруг от одной из икон в его сердце будто свет пролился, и Алексей вновь испытал то блаженное чувство. Он обратился к священнику, рассказав свою историю.

– Благодать на тебя низошла, сын мой, если хочешь – учись на священника.

– Хочу, – радостно ответил Алексей.

На работу он больше не вышел, рассчитался и поступил в семинарию. Учился и просил Бога вернуть жену и детей. Дал себе зарок: «Либо они вернуться, либо постригусь в монахи, уйду от мирской жизни».

Проходит год, другой. Тем временем Катерина устала от запоев Николая, дети страдали, просили:

– Мама, отвези нас к папочке!

Да и Катя уже не могла отыскать на доньшке сердца былую любовь к Николаю, остались только боль и обида. Во время очередного запоя он избил её и ушёл.

Санёк и Вовчик ухаживали за мамой, подносили воду и еду, которую готовила бабушка. Она приехала, когда узнала о беде. Синяки уже почти прошли, только рёбра ныли, не давая покоя какой-то тупой болью. Катя сидела на постели, а рядом примостились сынишки, читали маме вслух сказку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.